

Н. Н. Алеврас*

Н. М. КАРАМЗИН И ФЕНОМЕН
«КАРАМЗИНСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА»

Личность историка, приоткрывшего «двери» исторической науки XIX столетия, вызвала у современников, и всех последующих поколений отечественных историков неизменный интерес. Истоки и особенности формирования взглядов историков консервативного крыла в начале XIX в. определялись традициями исторической мысли XVIII в., спецификой социокультурного развития России, как страны добуржуазного уровня, и продолжавшимся процессом заимствования культурного опыта Европы, переживавшей в свою очередь становление индустриального общества. Э. Г. Соловьев, например, считает, что на рубеже XVIII–XIX вв. в России, стране «догоняющего развития», своей собственной традиции, которая бы стала основой для интеллектуальных идей мыслителей консервативного толка, не сложилось. Консерватизм формировался под влиянием европейских историко-социальных и интеллектуальных процессов, а точнее – как система взглядов, противостоящая той части европейского социально-политического опыта, который, с точки зрения традиционного политического сознания, был опасен для России. Первым эту опасность увидел Н. М. Карамзин.

Его исторические взгляды и концептуальные положения были нацелены на преодоление Россией негативного историко-политического опыта Европы и сохранение самобытных черт собственного исторического развития. Карамзинский консерватизм запечатлелся, по крайней мере, в двух основных сочинениях историка: в «Истории государства Российского» (1818–1828) и «Записке о Древней и Новой России» (1811). Особое значение имела последняя. В ней получили концентрированное выражение социально-политические и концептуальные воззрения историка. Как «Разговор двух приятелей...» В. Н. Татищева, ставший идейной основой его «Истории Российской», так и «Записку...» Н. М. Карамзина можно рассматривать в качестве своеобразной «увертюры» к фундаментальному историческому труду писателя-историка. «Записка» – это идейное и политологическое обоснование «Истории» Карамзина. Это – своеобразный ее «автореферат», но в расширенных хронологических рамках. То, чего Карамзин не успел написать в «Истории», он набросал в «Записке», доведя в ней обзор русской истории до начала XIX в. Ю. С. Пивоваров оценил это «яркое публицистическое произведение» как «интереснейший документ политической и идейной борьбы в верхах русского образованного общества» и как «своеобразный манифест русского политического консерватизма»¹.

Несомненно, что и в «Истории», и в «Записке» Карамзин ищет ответы на болезненные вопросы современности, связанные с формированием национальной идентичности. Великая французская революция конца XVIII в., наполеоновские войны, укрепление военно-дипломатических позиций России в Европе,

* Алеврас Наталья Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории дореволюционной России Челябинского государственного университета.

¹ Пивоваров Ю. С. Время Карамзина и «Записка о древней и новой России» // Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 13.

Отечественная война 1812 г. – все это привело к перелому мировоззренческих настроений русского общества, содействовало складыванию национального самосознания и появлению контуров русской национальной идеи. В отличие от более космополитичного XVIII века, когда Россия рассматривалась мыслителями-соотечественниками как часть европейского мира, в начале XIX века, в период формирования в Европе национальных государств, начинает складываться убеждение о существовании российской самобытности и особенностях исторического облика России.

Н. М. Карамзин был первым, кто своими взглядами наиболее определенно выразил настроения той части общества, которую можно считать носителями зарождавшегося консерватизма. Немалую роль в этом процессе сыграли политические взгляды историков XVIII в., закрепившие в своих трудах монархические основы исторической концепции. Н. М. Карамзин, несомненно, являлся преемником политической составляющей теоретико-методологического багажа мыслителей предшествующего столетия. Вместе с тем он впервые заронил зерно сомнения в идею тотальной европеизации страны. Европейская буржуазная цивилизация представлялась ему опасной, поскольку вместе с духом европейского просвещения в «европейское окно» России могли ворваться идеи социальной революции, воспринимавшейся им как культурная катастрофа. Своими историческими трудами Карамзин стремился оградить Россию от подобного нежелательного, на его взгляд, европейского опыта. Своей позицией он утверждал, что у России есть собственная история и историко-культурная традиция. В этой связи он пытался нащупать основные отличия облика России от Европы. Одним из первых он обнаруживает географическую специфику: Россия представлялась ему как некое срединное «царство», располагавшееся между Азией и Европой и соединившее в себе черты той и другой части мира².

Однако более важные отличия, по Карамзину, были заложены в ранней истории российской государственности. Они им связывались с характером взаимоотношений формирующегося самодержавия и народа. Опираясь на известную легенду Повести временных лет о добровольном призвании варягов, историк толковал характер взаимоотношений народа и самодержавия как выражение исторического миролюбия³. Деятельность первых монархов, по его версии, содействовала благоденствию народа, процветанию государства; благодаря «первым государям» Россия вошла в лоно европейских стран. Тонким намеком на «владычество народов германских» Н. М. Карамзин противопоставляет характер возникновения Российского государства европейским странам. В России государство возникло на добровольной основе, на Западе аналогичный исторический процесс был связан с завоеванием одних племен другими. Впоследствии эта мысль наиболее последовательно развивалась М. П. Погодиным, в несколько трансформированном виде была воспринята славянофилами и другими мыслителями.

Замеченные особенности становления русского самодержавия, как особого типа государственного устройства, позволили Карамзину создать стройную концептуальную версию-миф об особой роли самодержавия в русской истории: крепость самодержавной традиции обеспечивала силу Русского государства и благосостояние его подданных, а ее ослабление несло смуту и разрушение. «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась муд-

² См.: *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. С. 23.

³ См.: Там же. С. 17.

рым самодержавием»⁴, – заключил историк в «Записке», обрисовывая деятельность московских князей на поприще «собирая» земель в единое государство.

Обращаясь к современности, царствованию Александра I, Н. М. Карамзин обратился к проблеме ограничения самодержавия: «...можно ли и какими способами ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной царской власти»? Для него были неприемлемыми предложения конституционных ее ограничений: «Две власти государственные в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга, а право без власти есть ничто <...> Что, кроме единовластия неограниченного может в сей махине (России. – *Н. А.*) производить единство действия...»? Н. М. Карамзин, в надежде увидеть реализацию своей мечты о монархии, служащей общественному благу, на поставленные вопросы отвечал морально-назидательным рецептом: «...наш государь имеет только один верный способ обуздать своих наследников в злоупотреблениях власти: да царствует благодетельно! Да приучит подданных ко благу!..»⁵.

Апология самодержавия – важная черта формирующегося российского консерватизма, как политического явления, опиралась у Карамзина на мысль о том, что сотрясение его основ будет грозить России судьбой революционной Европы. Своей «Запиской» историк предостерегал царя от «несчастливых обстоятельств Европы» и от собственных политических ошибок в виде несвоевременной отмены крепостного права, непродуманных, с его точки зрения, реформ законодательной системы, основ просвещения и образования, хозяйственной жизни и пр.

Вместе с тем карамзинскому консерватизму не чужды были идеи европейского Просвещения. Весь пафос его доктрины был обращен к просвещенному самодержавию, сохраняющему верность христианским добродетелям и способному обеспечить бесконфликтное развитие социума. В предисловии к «Истории» Н. М. Карамзин, уточняя ее задачи, писал: «Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье»⁶.

В. В. Леонтович, рассуждая о соотношении принципов монархизма и либерализма во взглядах Карамзина, заметил, что привлекательность для него монархической формы правления определялась относительной редкостью ее перерождения в тиранию⁷. Самодержавие, по мысли Н. М. Карамзина, согласовывалось с принципами гражданских свобод. Правда, идею свободы он отождествлял с идеалом справедливости, не помещая понятие «справедливость» в политико-правовой контекст. Справедливость он понимал как морально-нравственную категорию. Этому и соответствовал его призыв к самодержцам царствовать «благодетельно». Близким к идеальному он считал царствование Екатерины II, заложившей, на его взгляд, законодательные основы гражданского благоденствия.

Идеалом для Карамзина оставались патриархальные основы попечительных забот монархической власти о своих подданных. Реформирование политической жизни страны в сторону конституционализма рассматривалось им как движение к революции («пугачевщине»), посягнувшей на устои государственности. В связи с этим впервые у Карамзина царствование Петра I получило амбивалентную оценку. С одной стороны, он видел в Петре выдающуюся личность («он велик

⁴ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. С. 22.

⁵ Там же. С. 48, 49.

⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. М., 1989. С. 13.

⁷ См.: Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 100–101. См. об этом у Н. М. Карамзина: Записка. С. 49.

без сомнения)), не отрицал его реформаторских заслуг в военно-политической сфере, а также принципиальной необходимости заимствований из европейской культуры, хотя полагал, что этот процесс начали еще предшественники царя-реформатора. С другой стороны, Петр I преступил в своей преобразовательной деятельности границы благоразумия. Реформаторство требовало «долговременности», постепенности, оно не должно было разрушать российской самобытности, считал историк. С известной долей осуждения Карамзин говорит о «разгоряченном воображении» Петра, который, «увидев Европу, захотел сделать Россию – Голландиею». Осуждает он императора и за «ужасы самовластия», допущенные им на преобразовательном поприще. В результате, считал историк, Петр нанес непоправимый удар по всему русскому: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр»⁸. Н. М. Карамзин выводил из этой оценки практический урок, полагая, что в начале XIX в. настало время остановиться и переосмыслить прошлое.

Поставив под сомнение проводимые Александром преобразования (они «трясают основу империи»)⁹, Н. М. Карамзин выдвинул требование, составившее заметную черту его политического консерватизма: «Требуем более мудрости хранительной, нежели творческой. Если история справедливо осуждает Петра I за излишнюю страсть его к подражанию иноземным державам, то оно в наше время не будет ли еще страшнее?»¹⁰ Совет Александру I, ставший итогом исторической рефлексии, послужил поводом причислять Н. М. Карамзина к основоположникам так называемого охранительного направления в общественно-политической мысли.

Однако историко-политологическая доктрина Карамзина, основанная на принципах просветительской идеологии, была сложнее простого охранительства. Он попытался соединить в ней две стороны истории самодержавия – реальную и идеальную. В его многотомном труде и в «Записке» дана история конкретных самодержцев, относительно которых он имел смелость высказывать критику и даже осуждение в адрес отдельных венценосцев (например, Ивана Грозного, Петра I, и даже здравствовавшего любимого им Александра I)¹¹. Эта позиция являлась выражением модернизирующейся культуры. Но одновременно он считал самодержавие оптимальной и единственно возможной для России формой власти. Как подчеркнул Ю. С. Пивоваров, «Карамзин противопоставляет историческому самодержавию – идеальное». Это дает основание видеть в концептуальных построениях Карамзина сочетание несовместимых подходов и представлений. Критика Карамзиным конкретных самодержцев является уже выражением европейской политической культуры, а его попытка отстоять незыблемость самодержавия, как оптимальной для России формы политического режима, восходит к традиционной культуре, выработавшей идею сакральной власти. Подобная ситуация в системе политических представлений историка позволила Ю. С. Пивоварову придти к заключению: «...налицо противоречивое сочетание блоков идей,

⁸ Карамзин Н. М. Записка. С. 35.

⁹ Там же. С. 64.

¹⁰ Там же. С. 63.

¹¹ В переписке 1826 г. историк признавался своему брату: «Александра любил я как человека, как искреннего, доброго, милого приятеля <...> Привязанность моя к нему осталась бескорыстной <...> Новый государь России не может знать и ценить моих чувств, как знал и ценил их Александр...», а П. А. Вяземскому писал: «Александра нет: связь и прелесть для меня исчезли» См.: Карамзин М. Н. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 242–243, 218.

принадлежащих различным типам культур – традиционной и модернизированной»¹². Не случайно Н. А. Полевой в 1829 г. в своей знаменитой рецензии характеризовал Карамзина как историка «прошедшего века, прежнего, не нашего поколения»¹³, а Г. П. Федотов в 1932 г. заметил, что Карамзин, создав «первый национальный образ России в большом стиле» – «завершитель» культуры XVIII столетия: «...За ним в прошлом стоял весь XVIII век, историки которого влились в «Историю государства Российского»... Это поэт империи на вершине ее славы. Он дал классическое одеяние России, построил ее форум в стиле ампира...»¹⁴.

«Карамзинский консерватизм» проявился не только в концептуальном плане. Он вполне ощутим в методологических основаниях историка. Сохранение элементов нарратива летописного типа, отсутствие интереса к теоретическим построениям и философскому осмыслению материала, литературные приемы в ущерб достоверности, пафосность, морализаторство не могли не вызвать в профессиональных кругах, ориентированных на европейские образцы научной критики и принципы достижения истинного знания, неудовлетворенность от «Истории» Карамзина.¹⁵ Многие современники понимали, что его История» была талантливо написана, но отставала от современной научной «моды». В. О. Ключевский в «назидательной тенденции» историка видел основу его исследовательского субъективизма и методологических изъянов: «Карамзин не изучал того, что находил в источниках, а искал в источниках, что ему хотелось рассказать живописного и поучительного. Не собирал, а выбирал факты, данные»¹⁶.

Отметим общественную и культурную значимость главного труда историка. Не вступая в диалог со своими оппонентами и осознавая свою роль «Колумба», он, совершая свой «подвиг», первым вычислил тот исторический момент формирования национального самосознания, когда соотечественники остро нуждались в интеллектуальной поддержке, каковой стала его «История». Он же первым решал проблему поиска приемлемого для современников языка и исторического нарратива своего труда. Его деятельность на этом поприще увенчалась, по крайней мере, двумя открытиями: он не только предложил российскому читателю свою версию русской истории, адекватную общественно-политическому сознанию широкой среды культурного общества, но и создал новый русский литературный язык. Историк, к тому же, попытался усовершенствовать стиль назидательного нарратива, из традиций которого сам вырос, приданием ему черт критического взгляда: некоторым образом – на исторические источники, а более всего – корректировкой концептуального ядра своей истории. История самодержавия, как уже отмечалось, дополнялась Н. М. Карамзиным открытой и смелой критикой самодержцев, не вписывавшихся в его идеал просвещенной монархии.

Доктрина Карамзина оставила заметный след в культурной и интеллектуальной истории России; художественный талант, воплотившийся в 12-томном сочи-

¹² Пивоваров Ю. С. Указ.соч. С. 14.

¹³ Полевой Н. А. Рецензия на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII – первая треть XIX в.). М., 1990. С. 156.

¹⁴ Федотов Г. П. Россия Ключевского // Федотов Г. П. Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры): В 2 т. / Составл., вступ. ст., примеч. В. Ф. Бойкова. СПб., 1991. Т. 1. С. 330.

¹⁵ См.: Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценке современников. М., 1989.

¹⁶ Ключевский В. О. Н. М. Карамзин // Ключевский В. О. Неизданные произведения. М., 1983. С. 135, 136.

нении, пережил автора, надолго оставшись источником исторических представлений и вдохновения для деятелей русской культуры. Более того, став «резервуаром исторических знаний для разных слоев населения» труд Карамзина вошел в российскую «культуру повседневности»¹⁷. Поэтому отметим, вслед за О. Б. Леонтьевой, любопытное расхождение в оценках наследия Карамзина, возникшее между представителями русской художественной культуры и профессиональной историографии 1860–1880-х гг. Например, образ Ивана Грозного, созданный историком, для первых оставался в это время широко востребованным, тогда как вторые отрицали концептуальную актуальность «Истории государства Российского» и значимость научных и идейных представлений Карамзина¹⁸. Своеобразное «раздвоение» восприятия прошлого в публичной среде и в профессиональной корпорации может служить показателем того, что пореформенное время предложило профессии историка иной статус, чем он являлся во времена Карамзина. В начале XIX в. история, как область знания, была более органично встроена в сферу культуры и политики, чем в последующий период, ее идейный пафос соответствовал основной линии тогдашних общественных настроений. По словам Н. А. Полевого, Н. М. Карамзин «угадал» «стремление времени».

Но характер его интерпретаций и стиль историописания, из которых складывался образ прошлого России, стали основой неоднозначности оценок историка. Историографическая ситуация «*ergo et contra*» относительно его наследия по сей день придает его научному имиджу двойственное значение. С момента выхода многотомной «Истории» и на протяжении всего последующего времени, концепция и методология Карамзина являлись объектом политических и историко-научных дискуссий, отзвуки которых слышны до сих пор.

Н. М. Карамзин, вызвав неоднозначные оценки своего труда у современников и потомков, положил начало размежеванию русской историко-научной мысли; своей «Историей» он вызвал оппозицию либерального толка. Общественная и научная реакция на труд Карамзина, выраженная, в первую очередь, первой в опыте русской историографии масштабной полемикой, положила начало самоидентификации историков, разделив их на два направления в русской историографии – консервативное и либеральное.

Концептуальные построения Н. М. Карамзина составили основу политического консерватизма в России, для которого характерны приверженность монархической идее и антизападнические настроения. Карамзинская версия русской истории в течение всего XIX века поддерживалась официальными кругами как идеальная для образовательных целей. Общая система его взглядов стала питательной средой для интеллектуального (историографического и историософского) консерватизма, ориентированного на поиски российской исторической самобытности (русской идеи). В феномене Карамзина причудливо переплелись талант художника и подвиг «пострижения в историка», приверженность монархической идее и гражданская смелость, критика социально-политического реформирования страны и внутренняя свобода, уважение европейской культуры и глубокое понимание того, что Россия начала XIX века не готова была к модернизационному повороту.

¹⁷ Шмидт С. О. История государства Российского в культуре дореволюционной России // Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. Ключ П. Строева. М., 1988. С. 43.

¹⁸ См.: Леонтьева О. Б. Личность Ивана Грозного в исторической памяти российского общества эпохи великих реформ. Научное знание и художественный образ // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 18. М., 2007. С. 24–34.